

вании КА первым комментатором «Законов Ману» — Бхаручином (VIII в.) или о вкладе *пуран* в разработку *раджадхармы* (обязанностей царя), но наконец-то, хотя бы еще в незначительной степени, можем представить КА в кругу родственной ей литературы. Чем больше удастся

преодолеть изолированность положения «Артхашастры» в истории древнеиндийской научной литературы, тем более серьезным и плодотворным станет и само «артхашастроведение».

А. А. Вигасин

АММИАН МАРЦЕЛЛИН В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аммиан Марцеллин — один из крупнейших латиноязычных писателей поздней античности. Он происходил из состоятельной антиохийской семьи и родился, по-видимому, незадолго до 333 г. Аммиан служил в армии под командованием одного из способнейших полководцев тех лет, Урсиниана — сперва на берегах Евфрата, потом в Галлии¹; потом опять на Востоке, когда ему пришлось участвовать в обороне Амиды, осажденной Шапуром II. Он сопровождал императора Юлиана в походе против персов. Смерть Юлиана знаменовала конец военной карьеры Аммиана; он поселился в Антиохии, много путешествовал: был в Египте, в Греции, наконец, во Фракии и осматривал там поле сражения под Адрианополем, где в 378 г. готы одержали победу над Империей. В конце жизни Аммиан переехал в Рим: во всяком случае, в 391 г. он был в Риме и с успехом читал там, как это следует из 983-го письма Либания, отрывки из своей книги, известной теперь под названием «Res gestae», т. е. «Деяния» или «История» (иногда ее называют «Римской историей»).

Сочинение Аммиана было обнаружено гуманистом Поджо Браччолини в середине XV в., многократно издавалось уже в XVI в., постоянно привлекалось как источник по истории IV столетия, хотя попытки общей характеристики этого автора появились сравнительно поздно².

В последние годы как раз интерес к Аммиану стал заметно возрастать, что

связано, надо думать, с тем не раз уже отмечавшимся перемещением акцентов, которое нетрудно заметить в современной науке о древней истории: гармоничная «классическая» античность постепенно отодвигается кризисными ситуациями и поздней античностью в частности. Для возрастания внимания к Аммиану показательно уже обилие новых изданий и переводов «Истории».

Критическое издание Ч. Кларка³ было перепечатано в 1963 г. В том же году вышло и воспроизведение издания Дж. Рольфе, сопровождающегося английским переводом⁴. Даже устаревшее издание В. Гардтхаузена⁵ вновь увидело свет в 1967 г. Одновременно стали появляться новые издания: А. Селема с итальянским переводом⁶, Э. Галлетье (в сотрудничестве с Ж. Фонтеном) — с французским⁷ и, наконец, В. Зейфарта — с немецким⁸. Кстати сказать, русский читатель получил недавно небольшие фрагменты «Истории» в переводе Я. Н. Любарского⁹.

Подготовка новых изданий, естественно, вынуждает поставить вопрос о принципах публикации. Почему издание Кларка устарело, каковы его недостатки?

Рукописная традиция «Истории» Аммиана небогата. Найденная Поджо

³ A m m i a n u s M a r c e l l i n u s, *Rerum gestarum libri qui supersunt*, rec. C. U. Clark, B., 1910—1915.

⁴ A m m i a n u s M a r c e l l i n u s, by J. C. Rolfe, L., 1935.

⁵ A m m i a n u s M a r c e l l i n u s, *Rerum gestarum libri qui supersunt*, rec. V. Gardthausen, vol. 1—2, Lipsiae, 1874—1875.

⁶ A m m i a n u s M a r c e l l i n u s, *Rerum gestarum libri qui supersunt*, a cura di A. Selem, Torino, 1965. Cp. E. P. Ascoli, *Note ammiane. A proposito d'una recente edizione di Ammiano*, «Helikon», 7, 1967, стр. 456—465.

⁷ A m m i e n M a r c e l l i n, *Histoire*, éd. par E. Galletier avec la collaboration de J. Fontaine, P., 1968. Второй том, подготовленный Г. Сабба, вышел в 1970 г.

⁸ A m m i a n u s M a r c e l l i n u s, *Römische Geschichte*, von W. Seyfarth, Bd 1—2, B., 1968. Оба тома содержат книги XIV—XXI.

⁹ «Историки Рима», М., 1970, стр. 401—433.

¹ См. об этом A. F r é z o u l s, *La mission du magister equitum Ursicin en Gaule (355—357) d'après Ammien Marcellin*, «Hommages à A. Grénier», Berhem — Bruxelles, 1962, стр. 673—688.

² K. E n s s l i n, *Zur Geschichtsschreibung und Weltanschauung des Ammianus Marcellinus*, Lpz, 1923; E. T h o m p s o n, *The Historical Work of Ammianus Marcellinus*, Cambr., 1947. Более новые работы — S. J a n n a c c o n e, *Ammiano Marcellino. Profilo storico-critico*, Napoli, 1961; J. F o n t a i n e, *Ammien Marcelin, historien romantique*, «Bulletin de l'Association G. Budé. Lettres d'Humanité», 28, 1969 — мне недоступны. Обзор литературы с 1636 г. см. C d i S p i g n o, *Aspetti e problemi della storia degli studi ammaiani*, «Helikon», 3, 1963, стр. 524—534.

Браччолини Фульдская рукопись Vatic. Lat. 1873), положенная в основу издания Кларка, остается и поныне важнейшим манускриптом. Все остальные известные (за исключением Херсфельдской) рукописи представляют собой лишь списки с Фульдской и не имеют значения для восстановления текста. Предположения, что так называемая рукопись E (Vatic. Lat. 2969) содержит независимую от Фульдской традицию, оказались необоснованными: на самом деле рукопись E, переписанная в Риме в 1445 г., целиком следует за Фульдской, а расхождения объясняются правкой переписчика¹⁰.

Вопрос о Херсфельдской рукописи Аммиана более сложен. О ее существовании знал уже Поджо Браччолини, но получить этот манускрипт ему не удалось. В 1533 г. Сигизмунд Гелений, ученый, близкий к Эразму, издал в Базеле текст Аммиана, опираясь частично на предыдущее издание (основанное на Фульдской рукописи), частично же — на Херсфельдский манускрипт. Затем рукопись снова исчезла, и лишь в 1875 г. были открыты шесть ее листов — так называемые Марбургские фрагменты¹¹. Судя по этим фрагментам, Херсфельдская рукопись была переписана в IX в. Кларк считал, что она восходит к общему с фульдской архетипу, тогда как Р. Робинсон показал, что она служила источником для рукописи Фульдского монастыря¹². Поскольку Херсфельдский манускрипт был ближе к архетипу, чем Фульдский, современным издателям необходимо, как это подчеркивает Зейфарт, внимательнее отнестись к тем разночтениям, которые были сохранены Сигизмундом Гелением и которые подчас могут быть предпочтены тексту, принятому Кларком¹³.

Современные издания древних авторов вообще отличаются от публикаций XIX столетия большим доверием к рукописной традиции: новые издатели стремятся как можно реже прибегать к исправлениям. Общий принцип приложим и к

Аммиану¹⁴. Зейфарт приводит очень показательный случай произвольной конъектуры Кларка: Аммиан (XVI, 12, 29) рассказывая о доблести Юлиана в сражении, характеризует его поведение словами *cautior sui hostium tela praetervolans*. Кларк исправлял *cautior* на *incautior*, полагая, что осторожность, забота о самом себе не могла казаться доблестью для античного писателя. Однако Зейфарт показал необоснованность и модернизацию подобного умозаключения: как у авторов (от Цицерона до Августина, включая самого Аммиана), так и в эпиграфических текстах *cautus* «осторожный» выступает как позитивный эпитет, тогда как быть *incautus* — это свойство варваров, не прошедших школы воинского мастерства¹⁵.

Как известно, «История» Аммиана Марцелина дошла до нас неполностью: утеряны первые 13 книг, охватывающие события 96—352 гг. Сохранившийся текст распадается на две части. Первая из них (кн. XIV—XXV) завершалась 364 г. и была посвящена преимущественно Юлиану; вторая оканчивалась рассказом о событиях 378 г. Старая историография уделяла потерянными книгам «Истории» пристальное внимание¹⁶ — теперь эта тема практически оставлена, как и вопрос об источниках Аммиана в его упо-

¹⁴ См. E. L. B. Meurig-Davis, Notes sur le texte d'Ammien Marcellin, REL, 28, 1950, стр. 88—93. Ср. J. Česká, De honore Juliani apud Ammianum Marcellinum XV, 8, 10 prope sperato, «Charisteria F. Novotny», Praha, 1962, стр. 155—159.

¹⁵ W. Seyfart, Miles cautus. Eine merkwürdige Parallele zwischen Ammianus Marcellinus und einer afrikanischen Inschrift, «Miscellanea critica», II, Lpz, 1965, стр. 334—336. Ср. он же, Ein Handstreich persischer Bogenschützen auf Antiochia. Sprachliche und historische Rechtfertigung einer Stelle bei Ammianus Marcellinus XXIII, 5, 3, «Klio», 40, 1962, стр. 60—64. Поправки к тексту (помимо указанной в прим. 10 статьи П. Фрасчетти) см. также I. Cazzaniga, Osservazioni critiche a tre passi d'Ammiano Marcellino, «Parola del Passato», 20, 1965, стр. 160—162; H. van Leroy, Ad Ammianum Marcellinum XXX, 9, 3. Notule de critique textuelle, «L'antiquité classique», 35, 1966, стр. 210—212; L. Kerau, I. Ullmann, Sprachliche Beobachtungen zu einigen Ammian- Stellen, «Klio», 48, 1967, стр. 227—235; H. Gärtner, Zu Ammianus Marcellinus, «Hermes», 97, 1969, стр. 362—371.

¹⁶ H. Michael, Die verlorenen Bücher des Ammianus Marcellinus, Breslau, 1880; L. Jeep, Die verlorenen Bücher des Ammianus, «Rheinisches Museum», 43, 1888.

¹⁰ W. Seyfart, Der Codex Fulden-sis und der Codex E des Ammianus Marcellinus, B., 1962, стр. 60 сл. Ср. P. Frassinetti, In margine ad Ammiano Marcellino, «Athenaeum», 44, 1966, стр. 302.

¹¹ H. Nissen, Ammiani Marcellini fragmenta Marburgensia, B., 1876.

¹² R. P. Robinson, The Hersfeldensis and the Fuldensis of Ammianus Marcellinus, «The University of Missouri Studies. A Quarterly of Research», 41, 1936, стр. 118—140.

¹³ W. Seyfart, Philologische Probleme um Ammianus Marcellinus, «Klio», 48, 1967, стр. 234. Чтение Геления предпочитает и Й. Чешка («Об истреблении лимигантов», «Mnema V. Groh», Praha, 1964, стр. 63).

минаниях о Римской республике¹⁷. Обе части имеют свои предисловия. Х. Т. Роуэлл даже предположил, что Аммиану принадлежали две разных книги¹⁸, с чем, видимо, не следует соглашаться хотя бы потому, что «История» завершается эпилогом, осмысляющим ее как целое — а *principatu Caesaris Nervae exorsus ad usque Valentis interitum* (XXXI, 16, 9). Однако нет сомнения, что вторая и третья части были написаны в разное время. Даты написания их не установлены окончательно.

По всей видимости, книга XXV была завершена в 392 г.¹⁹ (уже в 391 г., как свидетельствует Либаний, Аммиан читал свое сочинение — первые книги — в Риме). Вопрос о составлении последней части остается дискуссионным.

Обычно считают, что Аммиан не мог написать так, как он писал, в правление языческого императора Евгения (май 392 г. — 6 сентября 394 г.), и потому относят завершение книги ко времени после 394 г.²⁰ Напротив В. Хартке, полагал, что Аммиан закончил свой труд между 392 и январем 395 г.²¹, а А. Демандт, — что «История» написана не позднее сентября 394 г., еще при Евгении²². О. Мэнхен-Хелфен попытался перейти от датировки, основанной на общих соображениях, к формальной: он обратил внимание на ряд мест у Иеронима, заимствованных, по его мнению, из «Истории» Аммиана. Три отмеченных им пассажа находятся в сочинениях Иеронима, писанных после 396 г., и, таким образом, не дают оснований для решения спора — но одно заимствование Мэнхен-Хелфен находит в памфлете «Против Иовиниана»,

датированном 393 г.²³ Свидетельство Иеронима могло бы дать *terminus ante quem* — однако совпадение не таково, чтобы в заимствовании можно было быть уверенным²⁴.

Старая историография была довольно единодушна в вопросе об источниках Аммиана. О. Зеек особенно решительно настаивал на зависимости «Истории» от письменной традиции, которой располагал Аммиан, не называвший, однако, имен своих предшественников; близкую точку зрения высказывали В. Клайн, А. Клотц и ряд других исследователей²⁵. Э. Томпсон, пожалуй, был первым, кто попытался «реабилитировать» Аммиана и показать, что историк опирался не на письменные источники, но на собственные наблюдения или на рассказы других наблюдателей²⁶.

В последнее время точку зрения Томпсона особенно решительно поддерживает Л. Дильман²⁷, однако дискуссия по этому вопросу продолжается. М. Брок допускает наличие общего источника Аммиана и Зосима²⁸. А. Норман предположил, что встречающаяся в «Суде» фраза, касающаяся [трибуна] Магна (Suid. A 2094 Adler), относится к одному эпизоду из истории персидского похода Юлиана и имеет параллели у Аммиана

²³ O. J. Maenchen-Helfen, *The Date of Ammianus Marcellinus' Last Book*, «American Journal of Philology», 76, 1955, стр. 384—399.

²⁴ Syme, *Ammianus...*, стр. 18—22. Ср. также рецензию Р. Сайма на книгу Демандта (см. прим. 22): JRS, 58, 1968, стр. 217 и рецензию Г. Вирта на ту же книгу: «Byzantinische Zeitschrift», 61, 1968, стр. 343, прим. 7.

²⁵ O. Seeck, *Zur Chronologie und Quellenkritik des Ammianus Marcellinus*, «Hermes», 41, 1906; W. Klein, *Studien zu Ammianus Marcellinus*, Lpz, 1914; A. Klotz, *Die Quellen Ammians in der Darstellung von Julians Perserfeldzug*, «Rheinisches Museum», 71, 1916.

²⁶ Thompson, *The Historical Work...*, стр. 20—41. Ср. рецензию С. В. Поляковой: «Византийский вестник», 9, 1956, стр. 297 сл. На том, что рассказ Аммиана об осаде Аквилеи в 361 г. (XXI, 11—12 и XXII, 8, 49) основан на устной информации, настаивает А. Селем: A. Sele, *L'assedio di Aquileia del 361 in Ammiano Marcellino*, «Atti dell'Accademia di scienze, lettere e arti di Udine», ser. 7^a, t. 5, 1963—1965. Ср. также Ch. P. T. Naudé, *Battles and Sieges in Ammianus Marcellinus*, «Acta classica», I, 1958, стр. 92—105.

²⁷ L. Dillman, *Ammien Marcellin et les pays de l'Euphrate et du Tigre*, «Syria», 38, 1961, стр. 125—138.

²⁸ M. F. A. Broek, *De perzische expeditie van keizer Julianus volgens Ammianus Marcellinus*, Groningen, 1950, стр. 17.

¹⁷ H. Finke, *Ammianus Marcellinus und seine Quelle zur Geschichte, der römischen Republik*, Heidelberg, 1904.

¹⁸ H. T. Rowell, *The First Mention of Rome in Ammianus' Extant Books and the Nature of the History*, «Mélanges J. Carcopino», P., 1966, стр. 839 сл.

¹⁹ R. Syme, *Ammianus and the Historia Augusta*, L., 1968, стр. 10. Работа А. Момigliano, *Ammiano Marcellino e la Historia Augusta*, «Atti della Accademia delle scienze di Torino. Cl. di sc. mor., stor. e filol.», 103, 1969 — мне недоступна. См. также A. Chastagnon, *Ammianus and the Historia Augusta*, «Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes», 43, 1969, стр. 268 сл.

²⁰ Thompson, *The Historical Work...*, стр. 117. Ср. W. Seyfarth в кн.: *Ammianus Marcellinus*, *Römische Geschichte*, Bd I, стр. 26 сл.

²¹ W. Hartke, *Römische Kinderkaiser*, B., 1951, стр. 65—68.

²² A. Demandt, *Zeitkritik und Geschichtsbild im Werk Ammians*, Bonn, 1965, стр. 148.

(XXIV, 4, 23) и Зосима; Норман видел во фразе из «Суды» фрагмент из Евнапия²⁹. Развивая эти наблюдения, У. Чалмерс пришел к выводу, что Евнапий писал до Аммиана и послужил ему источником в рассказе о походе Юлиана³⁰, — однако Алан Кэмерон показал некорректность доказательств Нормана и построенных им выводов³¹.

Но если «История» в основном базируется на собственных наблюдениях и устных источниках, не исключается, что в отдельных случаях Аммиан пользовался письменными памятниками, контаминируя различные источники: таково, в частности, описание (XXII, 8, 30) Меотийского болота и прилегающих к нему областей, образующее, согласно И. Гваландри, подлинную мозаику из заимствованных фрагментов³².

Старая историография, видевшая, как мы только что отмечали, в Аммиане прежде всего компилятора, вместе с тем расценивала его свидетельства как достоверные и объективные; следуя старой традиции, М. Лейстнер отмечает лишь два случая нарушения объективности Аммианом: его враждебность к германцам и его пристрастное описание римского общества³³. В последнее время проблема Аммиановой достоверности как бы приобрела два аспекта. С одной стороны, за ним по-прежнему признается ценность первоклассного источника³⁴, с другой, — начиная с работы Томпсона, все отчетливее ставится вопрос о пристраст-

ности Аммиана. Пристрастность эта в свою очередь рассматривается в двух аспектах: первый связывается с его принадлежностью к определенной «социокультурной» группе³⁵, второй — с его художественной манерой, когда фигура трагического героя заслоняет реальность³⁶. Эти два аспекта — социально-культурный и литературно-художественный — как раз и составляют наиболее специфическое и наиболее существенное в анализе «Истории» Аммиана в литературе последнего времени.

Аммиан очень мало и очень скупо говорит о своей социальной принадлежности. В XIX, 8, 6 он называет себя *insuetus ingenuus*, что Зейфарт в предисловии к изданию переводит несколько рискованно как «избалованный аристократ» (*verwöhnter Adlige*)³⁷, перевод, который гармонирует с общей трактовкой Аммиана как выразителя интересов верхов реакционной аристократии, представленной прежде всего Симмахами и Никомахами³⁸. Такой перевод термина *ingenuus* является натяжкой, и это видно уже из того, что в том же издании в тексте «Истории» (не в предисловии!) соответствующее место передано иначе: *ich als Freigeborener nicht daran gewöhnt war* (т. е. «будучи свободнорожденным, я не привык к такому»)³⁹.

Существенные проблемы порождает также самохарактеристика Аммиана в конце «Истории», где он называет себя *miles quondam et Graecus* (XXXI, 16, 9).

Роуэлл справедливо рассчитывает найти в этой формуле ключ к пониманию «Истории», два аспекта Аммианова подхода к действительности⁴⁰. Если первая часть двуединой формулы — «воин» — как будто не вызывает затруднений, то специальное упоминание Аммиана, что он писал «как грек», требует истолкования. По мнению Р. Розена⁴¹, Аммиан

²⁹ A. F. Norman, Magnus in Ammianus, Eunapius, and Zosimus: New Evidence, «Classical Quarterly», 7, 1957, стр. 129—133.

³⁰ W. R. Chalmers, Eunapius, Ammianus Marcellinus, and Zosimus on Julian's Persian Expedition, «Classical Quarterly», 10, 1960, стр. 157—159.

³¹ Alan Cameron, An Alleged Fragment of Eunapius, «Classical Quarterly», 13, 1963, стр. 232—236.

³² I. Gualandri, Fonti geografiche di Ammiano Marcellino XXII, 8, «La Parola del Passato», 23, 1968, № 120, стр. 199—211.

³³ M. L. W. Laistner, The Greater Roman Historians, «Sather Classical Lectures», 21, Berkeley, 1947, стр. 158.

³⁴ W. Seyfart, Glaube und Aberglaube bei Ammianus Marcellinus, «Klio», 46, 1965, стр. 373. Ср. также Ammianus Marcellinus, Römische Geschichte, I, стр. 35. О достоверности Аммиана см. также В. И. Холмогоров, Римская стратегия IV в. у Аммиана Марцеллина, ВДИ, 1939, № 3, стр. 89; В. Д. Геронова, Отражение кризиса Римской империи в «Истории» Аммиана Марцеллина, «Уч. зап. Пермского гос. ун-та», 20, 1961, стр. 99; она же, Аммиан Марцеллин о варварах, там же, 143, 1966, стр. 65.

³⁵ J. Heuvel, A propos de la conception historique d'Ammian Marcellin, «Latomus», 27, 1968, стр. 193.

³⁶ K. Rosen, Studien zu Darstellungskunst und Glaubwürdigkeit des Ammianus Marcellinus, Heidelberg, 1968, стр. 178.

³⁷ Ammianus Marcellinus, Römische Geschichte, I, стр. 15.

³⁸ Там же, стр. 21.

³⁹ Там же, II, стр. 63.

⁴⁰ H. T. Rowell, Ammianus Marcellinus, Soldier-Historian of the Late Roman Empire, «Lectures in Memory of L. T. Semple», Cincinnati, 1964, стр. 32 сл. (перездано: Princeton, 1967).

⁴¹ Rosen, Studien..., стр. 7. И согласно Сильвии Барнард, Аммиан стоит ближе к греческой, чем к латинской литературе, подражая скорее Геродоту (и Ливию), чем Тациту, — см. S. E. Barnard, An Historiographical Study of Ammianus Marcellinus, «Dissertation Abstracts» 27, 1967, стр. 2511 A.

ставит себя в связь с греческой литературной традицией: Розен как бы примыкает к тому историко-литературному направлению, которое вслед за Виламовицем-Меллендорфом готово было рассматривать Аммиана, вопреки латинскому языку его «Истории», в рамках развития греческой историографии. Разумеется, сам факт латиноязычности Аммиана, антиохийского грека, еще не может служить истощающим аргументом против концепции Виламовица-Меллендорфа. Однако Г. Транкле решительно настаивает на тесной связи Аммиана с римской системой мировоззрения, с римскими представлениями о морали, с римскими литературно-эстетическими приемами⁴².

Но если в термине *Graecus* трудно усмотреть характеристику этнической принадлежности Аммиана или той литературной традиции, которой он следовал, то нельзя ли в этом слове увидеть намек на его социально-культурную принадлежность, на связь с языческой (антихристианской) средой⁴³?

Вопрос об отношении Аммиана к христианству не столь прост и бесспорен, как это могло бы показаться: в 1628 г. Клод Шифле именовал его христианином, и только с конца XIX в. утвердилось представление о язычестве Аммиана⁴⁴. Дело в том, что трактовка Аммианом религиозной тематики настолько нечетка, что его отношение к христианству не выступает однозначно. Его монотеизм во всяком случае не вызывает сомнения⁴⁵, и возможно, что Аммиан относился с уважением к скромным провинциальным священникам, довольствовавшимся скудной пищей и простыми одеждами (XXVII, 3, 15)⁴⁶.

Проблема, таким образом, нуждается в известном уточнении. Здесь прежде

всего всплывает терминологический вопрос. В старой историографии утвердилось представление о безразличии Аммиана к христианству, выразившемся в том, что он не пользовался технической терминологией новой религии, не располагая для этого необходимыми сведениями⁴⁷. По-видимому, столь категорическое суждение неосновательно. С одной стороны, игнорирование церковной терминологии объясняется классицистической тенденцией значительной части греко-латинской литературы IV—VI вв. и свойственно ряду ранневизантийских авторов, в том числе и христианских⁴⁸; фразы Аммиана типа *ut apellant Christiani* (XIV, 9, 7), которым столь большое значение придавал Энслин, видевший в них свидетельство того, что писатель стоял вне христианства — эти фразы опять-таки встречаются и у других писателей переходной эпохи, включая и таких христиан, как Малх⁴⁹. С другой стороны, христианская терминология не вовсе исключена Аммианом: в «Истории» встречаются и такие термины, как *orare* или *ecclesia*⁵⁰.

Не менее осторожным приходится быть и при анализе языческой терминологии Аммиана, использовавшего, как известно, такие понятия, как *fatum* или *fortuna*. Зейфарт полагает, что Аммиан обращался к понятию *fatum* в угоду реакционным кругам римской знати, но сам подчеркивает с полным основанием, что этот термин был удержан даже языком императорской канцелярии и вошел в лексику «Кодекса Феодосия»⁵¹.

Осудительное отношение Аммиана к процессам «колдунов» опять-таки не следует рассматривать как выступление

⁴⁷ Так, в последнее время, P. M. Camus, *Ammien Marcellin, témoin des courants culturels et religieux à la fin du IVe siècle*, P., 1967, стр. 247 сл.

⁴⁸ H. Gärtnert, *Einige Überlegungen zur kaiserlichen Panegyrik und zu Ammians Charakteristik des Kaisers Julian*, Wiesbaden, 1968, стр. 517.

⁴⁹ Al. and Av. Cameron, *Christianity and Tradition in the Historiography of the Late Empire*, «Classical Quarterly», 14, 1964, стр. 316—320.

⁵⁰ Там же, стр. 322. Вместе с тем было бы рискованным усматривать в рассказе Аммиана (XXIX, 2, 17) намек на апостола Петра — см. R. P. St. Peter, *Peter in Ammianus?* («Harvard Theological Review», 47, 1954, стр. 319—321).

⁵¹ W. Seyfarth, *Ammianus Marcellinus und das Fatum*, «Klio», 43—45, 1965, стр. 305 сл. Ср. об этом также C. P. T. Naudé, *Fortuna in Ammianus Marcellinus*, «Acta classica», 7, 1964, стр. 70—88; A. Selem, *Il senso del tragico in Ammiano*, «Annali della scuola Normale Superiore di Pisa. Cl. di lett., stor. e filos.», 34, 1965, стр. 404—414.

⁴² H. Tränkle, *Ammianus Marcellinus als römischer Geschichtsschreiber*, «Antike und Abendland», 11, 1962, стр. 26—28. Транкле, в частности, полагает, что Аммиан испытал большое влияние Цицерона. Традиционно-римский характер воззрений Аммиана подчеркивается и в ст.: В. С. Соколов, Аммиан Марцеллин как последний представитель античной историографии, ВДИ, 1959, № 4, стр. 48 сл., 58.

⁴³ J. Stoitian, *A propos de la conception historique d'Ammien Marcellin*, «Latomus», 26, 1967, стр. 79.

⁴⁴ E. Witte, *Ammianus Marcellinus quid judicaverit de rebus divinis*, Jena, 1891. Ср. Ensslin, *Zur Geschichtsschreibung...*, стр. 96 сл.

⁴⁵ Ensslin, *Zur Geschichtsschreibung...*, стр. 50 сл. Ср. Соколов, Аммиан Марцеллин..., стр. 58 сл.

⁴⁶ О терпимости Аммиана к христианству см. З. В. Удалова, Мировоззрение Аммиана Марцеллина, «Византийский временник», 28, 1968, стр. 45 сл.

против христианства или в защиту магии. Сатира Аммиана направлена в этом случае против глупости и свирепости императорского суда, тогда как магия для него сама по себе — недалекое суеверие, и писатель защищает «волшебников» не ради их ремесла, но как жертвы императорского террора⁵². В этой связи показательна дискуссия между Ж. Моро и В. Зейфартом по поводу процесса некоего Фаустина (XXX, 5, 11—12): Моро видел в акции Фаустина осмеяние евхаристии, тогда как, по Зейфарту, дело было возбуждено в связи с обвинением в *laesio majestatis*, связанной с колдовством⁵³. Таким образом, Зейфарт приходит к выводу, что процесс Фаустина и соответственно сочувствие Аммиана Фаустину не имели конфессионального характера.

Вопрос о религиозности Аммиана должен решаться с сугубой осторожностью. С. д'Элья, в частности, обратил внимание на то обстоятельство, что Аммиан восхваляет языческую аристократию Рима, но критически относится к Анициям, знатной семье христианского толка⁵⁴. А. Селем подчеркивает враждебность Аммиана к Афанасию, его безразличие к внутренним спорам христиан, обозначение эдесских церквей словом *sepulchra* (XVIII, 7, 7) «гробницы», что соответствует терминологии Юлиана⁵⁵. Сомнения нет, Аммиан во многом критикует христиан, но он критикует даже Юлиана в его презрительном религиозном рвении⁵⁶. Мы можем, по-видимому, говорить об амбивалентности позиции Аммиана, о его стремлении стать выше обеих борющихся групп, о том, что для него религия — внутреннее, частное дело⁵⁷. Но в таком случае тезис о том, что термин *Graecus*

в концовке «Истории» свидетельствует об антихристианских тенденциях писателя, ставится под сомнение...

Если сложен вопрос об отношении Аммиана к христианству, то не менее сложна проблема его социальной принадлежности. Старая историография обычно избегала этой проблемы: Энслин лишь мимоходом говорит о близости Аммиана к кругу Симмаха, о его связи со сторонниками Евгения⁵⁸. Проблема эта была поднята одновременно Э. Томпсоном и Н. Н. Розенталем: оба они рассматривают Аммиана как представителя средних классов⁵⁹ — позицию, сохраняющуюся и в современной литературе⁶⁰. Вместе с тем Аммиана трактуют иногда как выразителя интересов языческой сенаторской аристократии⁶¹, что, впрочем, наталкивается на некоторые возражения. В частности, Алан Кэмерон протестует против традиционного представления, будто Аммиан был близок к римской сенаторской знати (круг Симмаха) — для такого утверждения, по его мнению, нет прямых данных⁶². Р. Фрэнк ставит вопрос об отражении в терминологии Аммиана противоречия между гражданской и военной элитой⁶³:

⁵⁸ Ensslin, *Zur Geschichtsschreibung...*, стр. 9.

⁵⁹ Thompson, *The Historical Work...*, стр. 127; Н. Н. Розенталь, Социально-политические воззрения языческой интеллигенции Поздней Римской империи. (Либаний и Аммиан Марцелин), «Труды Одесского гос. ун-та», 49, 1947, стр. 102 сл. З. В. Удальцова (Мировоззрение..., стр. 52) считает гипотезу Розенталя «заманчивой, но все же еще недостаточно обоснованной» и характеризует Аммиана как рупор «политических настроений фрондирующей против императоров сенаторской знати» (стр. 49). Напротив, в «Истории Византии» (т. I, М., 1967, стр. 14) Аммиан назван выразителем «настроений курiales, стоявших в оппозиции к высшей аристократии». Это разноречие еще раз обнаруживает всю сложность проблемы.

⁶⁰ См. R. L. Anderson, *The Rise and Fall of Middle-Class Loyalty to the Roman Empire. A Social Study of Velleius Paterculus and Ammianus Marcellinus*, «Dissertation Abstracts», 26, 1965, стр. 2701.

⁶¹ d'Elia, *Ammiano Marcellino...*, стр. 377 сл. Некоторые сомнения по этому поводу см. Heyen, *A propos de la conception historique...*, стр. 196.

⁶² Alan Cameron, *The Roman Friends of Ammianus*, JRS, 54, 1964, стр. 28.

⁶³ R. I. Frank, *Commendabiles in Ammianus*, «Journal of American Philology», 88, 1967, стр. 316—318. О социальной проблематике у Аммиана ср. еще A. Sелем, *Ammiano Marcellino ed*

⁵² H. Funke, *Majestäts- und Magierprozesse bei Ammianus Marcellinus*, «Jahrbuch für Antike und Christentum», 10, 1967, стр. 175. Ср. также H. J. Marrou *Ammien Marcellin et les «Innocents» de Milan*, «Recherches de sciences religieuses», 40, 1952, стр. 179—190.

⁵³ J. Moreau, *Sur un passage d'Ammien Marcellin* 30, 5, 11—12, «Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire de l'Université libre de Bruxelles», 13, 1953; Seyfart, *Glaube und Aberglaube...*, стр. 373—383. Ср. W. Seyfart, *Zeugnisse für Glaube und Aberglaube bei Ammianus Marcellinus*, «Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Jena. Sonderheft», 1964, стр. 103 сл.

⁵⁴ S. d'Elia, *Ammiano Marcellino e il cristianesimo*, «Studi Romani», 10, 1962, стр. 385.

⁵⁵ A. Sелем, *Considerazioni circa Ammiano Marcellino ed il cristianesimo*, «Rivista di cultura classica e medievale», 6, 1964, стр. 257—259.

⁵⁶ Там же, стр. 245.

⁵⁷ Demandt, *Zeitkritik und Geschichtsbild...*, стр. 69—85.

в таком случае следует определить, к какому из этих двух разрядов должен быть отнесен сам Аммиан.

Чтобы решить вопрос о социальной принадлежности историка, необходимо перейти от собрания отдельных и подчас случайных фактов и высказываний к всестороннему анализу его социальной программы. Попытку такого рода предпринял молодой западногерманский исследователь А. Демандт.

По мнению Демандта, Аммиан был первым после Тацита историком, кто в критике современного ему общества свел в единую картину разные симптомы упадка и проявления кризиса на разных социальных уровнях. Эта многоплановость критики и придает «Истории» Аммиана, несмотря на многочисленные отклонения и экскурсы, внутреннюю цельность. Аммиан острее критикует знать, нежели плебс⁶⁴: по-видимому, историк (Демандт отвергает предположение о его принадлежности к окружению Симмаха) не может рассматриваться как прямой идеолог сенаторской аристократии; вместе с тем острая критика знати могла быть связана с представлением Аммиана о большей роли и большей ответственности аристократов в историческом развитии общества.

Критика государственного аппарата у Аммиана никогда не превращается в критику Римского государства как системы, но ограничивается осуждением отдельных лиц и отдельных феноменов. Его критика чиновничества стереотипна; в военной организации Империи он обнаруживает симптомы изнеженности, коррупции; с особенной ненавистью обрушивается Аммиан на придворных и на порочное судопроизводство. Расходясь со старой историографией, Демандт отказывается считать Аммиана германо-фобом⁶⁵.

Социальные принципы Аммиана раскрывает вслед за Демандтом К. Розен. Он подчеркивает, что, по Аммиану, справедливость (точнее милосердие) — важнейшая добродель государя⁶⁶. Ситуация, в которой индивид находится в полном подчинении внешней по отношению к нему власти, сублимируется в противоречие между справедливостью и порочным императорским правосудием. Произвол создает, по Аммиану, условия для вертикальной динамики, и писатель всячески подчеркивает все отрицательные последствия этого явления⁶⁷.

i problemi del suo tempo, «Annali della scuola Normale Superiore di Pisa. Cl. di lett., stor. e filos.», 33, 1964, стр. 147—153 (по поводу статьи В. С. Соколова).

⁶⁴ Demandt, *Zeitkritik und Geschichtsbild...*, стр. 14.

⁶⁵ Там же, стр. 31 сл.

⁶⁶ Rosen, *Studien...*, стр. 224.

⁶⁷ Там же, стр. 200, 206.

По отношению к христианству Аммиан, полагает Демандт, испытывает безразличие высокообразованного язычника, но свое язычество он умело скрывает с помощью развитой синонимии, амбивалентной терминологии и смещенных образов⁶⁸.

Этой сложной социальной позиции соответствует и представление Аммиана об историческом развитии. Аммиан внутренне полемизирует с христианской идеей телеологического поступательного развития, ведущего к спасению человечества, для него история состоит из событий, которые в типическом вновь и вновь повторяют себя⁶⁹. Движущей силой истории выступает у Аммиана судьба (*fors, fortuna* или *fatum*)⁷⁰, которая является выражением божества, мыслимого безличным; это стоическое понимание судьбы как всеохватывающей силы. Судьба раскрывается двояко: либо как рациональный, поддающийся расчету элемент, либо как необъяснимый фактор, осуществляющийся вопреки расчету.

На земле выразителем судьбы является император. Римское общество, возглавляемое императором, Аммиан отчетливо противопоставляет рыхлым варварским структурам. Но будучи избранником судьбы, император должен проявлять свою *virtus*, т. е. совокупность этически определенных качеств, и только *virtus* императора обеспечивает ему благо-расположение судьбы⁷¹.

Рим в исторической концепции Аммиана выступает как принцип стабильности, как синоним вечности. Христианская концепция грядущего крушения «вечного города» ему абсолютно чужда. И хотя Аммиан принимает античное учение об истории как смене «возрастов»⁷², хотя он сопоставляет свою эпоху со «старостью», его взгляд на будущее ок-

⁶⁸ Demandt, *Zeitkritik und Geschichtsbild...*, стр. 78—85.

⁶⁹ Rosen, *Studien...*, стр. 112.

⁷⁰ Там же, стр. 99 сл.

⁷¹ Об императорской власти по Аммиану см. специально L. Valensi, *Quelques réflexions sur le pouvoir impérial d'après Ammien Marcellin*, «Bulletin de l'Association G. Budé», 16, 1957, стр. 62—107; A. M. Tassi, *Costanzo II e la difesa della maestà imperiale nell'opera di Ammiano Marcellino*, «Critica storica», 6, Messina, 1967, стр. 157—180; C. di Spigno, *Studi su Ammiano Marcellino. Il regno di Costanzo II*, «Helikon», 2, 1962, стр. 442—464; 3, 1963, стр. 301—328.

⁷² См. об этом также P. Archambault, *The Ages of Man and the Ages of the World. A Study of Two Traditions*, «Revue des études augustiniennes», 12, 1966, стр. 193—228, где теория возрастов у Аммиана сопоставляется с концепцией Лактанция и отцов церкви.

рашен оптимизмом. Кстати сказать, этот оптимизм Аммиана коренным образом отличает его историческую концепцию от безнадежных построений Тацита⁷³.

Как известно, в центре Аммиановой «Истории» стоит образ Юлиана. Отношение писателя к Юлиану чрезвычайно важно для выявления социальной позиции Аммиана.

Х. Гертнер подчеркнул специфические черты характеристики Юлиана, носящей не исторический, а панегирический характер (разграничение обоих жанров — истории и панегирика — было общим местом в античной и византийской литературе) и представляющей собой чужеродный элемент в теле «Истории»⁷⁴. Он полагает, что целью Аммиана была защита языческого императора от упреков, в частности, за начатую им войну с персами, и что этот панегирик явился плодом борьбы за оценку роли Юлиана⁷⁵. Д. Кондоше, анализируя известия Либания и Аммиана о гибели императора, вскрывает противоречивую сложность Аммиановой трактовки. Жизнь Юлиана представлена своего рода диптихом. До прибытия в Константинополь Юлиан почитал богов, хотя и тайно, соблюдал справедливость, был милосердным — поэтому боги сопутствовали ему. Затем он стал пренебрегать указаниями небес и сделался более суеверным, чем религиозным. Виктория покинула его, и гибель Юлиана оказалась естественным завершением этой метаморфозы⁷⁶.

Таким образом, Аммиан при всей его близости к императору-отступнику не может считаться безусловным последователем Юлиана: в их социально-политической и культурной позиции могут быть намечены известные различия.

Оценка «Истории» как литературного памятника пережила в последние годы существенную метаморфозу. Как при изучении Аммиана-историка исследователи XIX и начала XX в. выдвигали на передний план разыскание его источников и тем самым расчленение его рассказа, так и в изучении Аммиана-писателя (которого трактовали как эпигона и подражателя) в центре внимания стояло выяснение его зависимости в том или ином пассаже от античных предшественни-

ков⁷⁷. Понимание «Истории» как целостного памятника *своей* эпохи пришло сравнительно недавно.

Мысль о художественной цельности произведения реализуется в двух разных планах. С одной стороны, все более утверждается представление о тесной связи искусства и литературы с породившей их социальной средой, с другой — исследователи стремятся осмыслить творческое своеобразие писателя как сына своего времени. Тесная связь обоих планов исследования представляется очевидной.

Р. Мак-Муллен обратил внимание на то, что Аммиан, как и памятники изобразительного искусства IV в., раскрывает стремление людей той эпохи (и не только представителей элиты) к исполнению ролей в «живых картинках»: к церемониям, к торжественности одений, к статуарности поз, к аккламациям и театральности, к символизму акций. Возникновение этой тенденции не может быть сведено к влиянию только варварского мира или только придворного церемониала — истоки ее шире, они коренятся в социальной структуре позднеримского общества. Причем статуарная статичность пробивает себе дорогу сперва в светском искусстве, а затем охватывает и искусство христианское⁷⁸. Сходные мысли высказывает и Л. Бонфанте в работе, опубликованной в том же году. По его мнению, Аммиану (как и произведениям искусства IV в.) свойственно использование классических форм; сознательный поиск соответствующих образов для выражения абстрактных понятий, что порождает стремление к статуарному изображению императора как выразителя власти [Бонфанте ссылается на слова Аммиана о Констанции (XXI, 16,7): «Никогда не видели, чтобы он на людях прочищал нос, плевал, вертел головой»; ср. XVI, 10, 10, где Аммиан прямо говорит: *tamquam figmentum hominis* «словно статуя»]; дегуманизация че-

⁷³ См. об этом также T r ä n k l e, Ammianus Marcellinus..., стр. 26.

⁷⁴ G ä r t n e r, Einige Überlegungen..., стр. 512—515.

⁷⁵ Там же, стр. 529.

⁷⁶ D. C o n d u c h é, Ammien Marcellin et la mort de Julien, «Latomus», 24, 1965, стр. 378 сл. Об отношении писателя к Юлиану см. также L. L e g a t, Ammien Marcellin, Julien et Vesontio, «Mélanges A. Piganiol», P. 1966, стр. 1037—1046.

⁷⁷ H. W i r z, Ammians Beziehungen zu seinen Vorbildern, Cicero, Sallustius, Livius, Tacitus, «Philologus», 36, 1877, стр. 627—636; ср. L. D a u t r e m e r, Ammien Marcellin, étude d'histoire littéraire, Lille, 1889. Ср. также P. de J o n g e, Ammianus and Vegetius, «Studia latina P. J. Enk oblata», Leiden, 1955, стр. 99—106. По сути дела к этому направлению примыкает и книга Ш. П. Т. Нодэ (Ch. P. Th. N a u d é, Ammianus Marcellinus in die lig van antieke geschiedskrywing, Leiden, 1956), где Аммиан рассматривается как продолжатель греческой классицистической традиции, испытавший вместе с тем и воздействие римской историографии.

⁷⁸ R. M a c M u l l e n, Some Pictures in Ammianus Marcellinus, «Art Bulletin», 46, 1964, стр. 440 сл.

ловеческих образов и обратная тенденция к одушевлению предметов ⁷⁹.

Специфической чертой художественной манеры Аммиана и И. Фохт, и К. Розен считают внимание к дробным сценам к деталям, не связанным непосредственно с имперской историей. Розен развивает эту мысль, подчеркивая, что история разворачивается у Аммиана как последовательность отдельных сцен с непрерывно меняющейся перспективой ⁸⁰. Он классифицирует эти сцены на два типа: одни составляют органическую часть рассказа, драму, подчас в нескольких актах, подобие лестницы, где-то достигающей вершины; другие — замкнутые повелы, не связанные с содержанием большого повествования, в которое они вкраплены как чужеродное тело ⁸¹.

Связанная с этим особенность Аммиана — интенсивная образность, которая отсутствовала у классических авторов; писатель обращает внимание на зримое: пурпур царских одежд, блеск оружия. Литературный образ как бы стремится достичь выразительности памятников изобразительного искусства ⁸². Вместе с тем, Аммиан ищет патетических средств; в изображении битв он нагнетает страсти и ужасы: кровавая резня, предсмертные стоны, кучи распростертых тел — все это подчас заслоняет конкретный ход сражения ⁸³.

Подобно тому как обостренная образность Аммиана «социально обусловлена» и тесно переплетается с тенденцией к статичности, проявившей себя в IV столетии, так и его стремление изобразить действительность как совокупность отдельных эпизодов, отдельных хороших и дурных *exempla*, восходит к представлению о том, что закономерности истории чужды телеологической цельности (см. выше). По словам Фохта, Аммиан как бы говорит читателю: «Все уже было однажды» ⁸⁴. Христианская литература не избегает аллюзий на события прошлого, преимущественно на библейские, но они носят иной характер. У Аммиана настоя-

щее сопоставляется с равновеликим, равнозначимым элементом в прошлом, тогда как христианские уподобления действительности библейским прообразами сохраняют иерархию фактов: события сегодняшнего дня лишь соразмеряются с событиями священной истории и оказываются «образом», подобием священного архетипа.

С образной системой Аммиана перекликается и композиция его сочинения. «История» как будто лишена пространственного единства: в поле зрения Тацита лежал только Рим, тогда как взгляд Аммиана растекается по всей Империи, а анналистический характер рассказа заменяет логическую связь временной ⁸⁵. Но и временного единства в «Истории» нет: она распадается на истории отдельных правителей, на императорские *vitae* (некоторые исключения составляют последние книги), в которых нет единой образной структуры ⁸⁶.

Преодоление разрыва между анналистической и биографической формой достигается не композиционным, а внутренним, структурным единством книги: разработкой нескольких главных тем, связанных центральной идеей ⁸⁷.

Распад пространственного единства «Истории» Розен связывает с определенным социально-политическим феноменом, а именно, с тем обстоятельством, что центр Империи в IV в. уже не находился в Риме, но перемещался туда, куда перемещались государь и его двор ⁸⁸. Сам факт поиска корней литературного явления в сфере общественной жизни примечателен, однако в действительности причины более глубоки и более сложны; мы, по-видимому, сталкиваемся с противоположностью двух мировоззрений: христианства с присущей ему телеологической цельностью и язычества, которое, даже преодолев разобщенность политеистического пантеона, оказалось не в состоянии подняться до целостного восприятия пространства и времени. Дробление мира на эпизоды у Аммиана — не просто художественный прием, но и элемент его философской концепции, внутренне антагонистической христианству.

Розен характеризует «Историю» как средний путь между бесформенным накоплением материала и сухим перечислением фактов в брeвиариях ⁸⁹ — и это

⁷⁹ L. M. Bonfante, *Emperor, God and Man in the 4th Century*. Julian the Apostate and Ammianus Marcellinus, «Parole del Passato», 19, 99, 1964, стр. 427.

⁸⁰ J. Vogt, *Ammianus Marcellinus als erzählender Geschichtsschreiber der Spätzeit*, «Akademie der Wissenschaften und der Literatur (in Mainz). Abh. der geistes- und sozialwissenschaftlichen Kl.», 1963, № 8, стр. 806; Rosen, *Studien...*, стр. 194.

⁸¹ Там же, стр. 190 сл.

⁸² Там же, стр. 68; ср. Bonfante, *Emperor, God and Man...*, стр. 402.

⁸³ Vogt, *Ammianus Marcellinus...*, стр. 816 сл.

⁸⁴ Там же, стр. 819.

⁸⁵ Rosen, *Studien...*, стр. 180.

⁸⁶ Ch. Samberger, *Die «Kaiserbiographie» in der Res gestae des Ammianus Marcellinus*, «Klio», 51, 1969, стр. 478—480.

⁸⁷ Rosen, *Studien...*, стр. 181.

⁸⁸ Там же, стр. 180.

⁸⁹ Там же, стр. 5. Отдельные моменты художественной манеры Аммиана рассмотрены в специальных исследованиях: L. F. Field, *The Epilogues of Ammianus Marcellinus*, «Dissertation Abstracts»,

весьма показательно. Аммиан в самом деле нагромождает эпизоды, нагромождает поверх эпизодов заимствованные у классиков формулы и рассуждения, но его авторское присутствие, его субъективное переживание, его критическая позиция не дает распасться возведенному им зданию, связывает его внутренне-идейным единством.

Субъективное присутствие художника предполагает авторскую оценку в повествовании — то, что может быть названо морализацией или дидактикой. Суждения о степени Аммиановой морализации в современной литературе весьма противоречивы. По мнению одних исследователей, Аммиан в своей дидактике не выходит за рамки, обычные для исторической литературы того времени⁹⁰; для других он так категоричен в нравственных оценках, как ни один из его предшественников⁹¹; третьи, напротив, предполагают, что Аммиан пренебрегал морализацией и охотно обращался к изображению полных чувств деталей⁹². Расхождение это, видимо, коренится в уже отмеченном выше противоречии: единичный эпизод у Аммиана кажется замкнутым в себе, но в действительности он, даже не будучи связанным с внешним ходом повествования, связан с его внутренней логикой. Он кажется изолированно-повествовательным, но как элемент целого — он дидактичен.

Эта противоречивость Аммиана проступает и в его трактовке психологии действия: вслед за Тацитом он стремится раскрыть движения духа, порождающие человеческие действия, но духовного развития и раскрытия в собственном смысле слова мы у него не найдем⁹³. Противоречива и его концепция человеческой внешности: иногда она отвечает характеру, иногда, напротив, служит маской, скрывающей существо натуры⁹⁴.

Противоречивый в своем отношении к действительности, Аммиан охотно использует контраст как художественное средство, пронизывая контрастными образы пафосом⁹⁵. А вместе с тем он прибегает к гротеску как к средству общественной критики, преимущественно в сфере внутренней политики⁹⁶.

Обзор современной литературы, посвященной Аммиану Марцеллину, обнаруживает, прежде всего, противоречивость многих коренных оценок и, в частности, социальной принадлежности историка. Это в очень большой степени объясняется сложностью проблемы: переходная эпоха, которой присущи разнообразные грани и противоречивые тенденции, всегда особенно трудна для восприятия. Нам ни в коем случае не следует закрывать глаза на подобную сложность, не следует спешить с вынесением однозначных вердиктов.

Есть еще одно общее наблюдение, которое можно сделать, приглядываясь к тенденциям развития историографии. В самом грубом виде можно было бы сказать, что после работы Томпсона происходит своего рода реабилитация Аммиана. Такая формулировка и верна, и неверна. По-видимому, совершается изменение гораздо более кардинального характера. Старая историография руководствовалась аналитическим принципом⁹⁷; ее идеалом была вивисекция Аммиана, выделение его источников информации, его литературных корней, его суждений по отдельным вопросам. В ходе этого анализа Аммиан вырывался из социально-временного контекста, его связывали с традицией (греческой или римской), но не с его временем.

Значение книги Томпсона не в том, что он «реабилитировал» Аммиана. Да и можно ли назвать его метод реабилитацией? Ведь именно Томпсон подчеркнул субъективность автора «Истории» и усомнился в его добросовестности. Значение книги Томпсона в том, что он подошел к «Истории» Аммиана как к целостному явлению, как к памятнику своей эпохи, — и последующая историография показала всю плодотворность такого подхода.

Пусть отдельные суждения Аммиана — традиционные топоны, взятая в целом книга отражает свою эпоху и определенную социально-культурную среду. Пусть на поверхностный взгляд «История» кажется композиционно рыхлой — она не является литературной компиляцией, но обладает глубоким (структурным) единством.

Тенденция к целостному (синтетическому) восприятию сочинения Аммиана — не случайность, она отражает общий характер эволюции современной науки о прошлом.

А. П. Каждан

29, 1968, стр. 1884 А; E. Frank, *Symbolic Imagery in Ammianus Marcellinus*, «Classical Bulletin», 42, 1966, стр. 46 сл.

⁹⁰ G. Wirth, рецензия на упомянутую книгу А. Демандта: «Byzantinische Zeitschrift», 61, 1968, стр. 340.

⁹¹ Rosen, *Studien...*, стр. 228.

⁹² Vogt, *Ammianus Marcellinus...*, стр. 810 сл.

⁹³ Rosen, *Studien...*, стр. 203, 206.

⁹⁴ Там же, стр. 202.

⁹⁵ Там же, стр. 199.

⁹⁶ Там же, стр. 210 сл.

⁹⁷ Завершением аналитического исследования Аммиана следует считать очень полезную работу: P. de Jonge, *Sprachlicher und historischer Kommentar zu Ammianus Marcellinus*, Bd I—IV, Groningen, 1935—1953 (охватывает только две первые книги). Ср. C. de Spigno, *Appunti per una lettura del libro XIV di Ammiano*, «Orpheus», 7, 1960, стр. 133—151.